

**Российско-украинский / франко-
каталонский коктейль: испанский
«анархо-большевизм» после 1917 года¹
A Russian-Ukrainian / Franco-Catalan
Cocktail: Spanish “Anarcho-bolshevism”
after 1917**

Илэм, Крис

PhD,

Мадридский кампус Университета Сент-Луиса

Ealham, Chris

PhD,

Saint Louis University, Madrid Campus

Mail: chris.ealham@slu.edu

Аннотация. В данной статье поставлена задача проанализировать генеалогию анархо-синдикалистского инсurreкционизма (повстанчества) после Российской революции и происхождения так называемого «анархо-большевизма» в Испании. Предложено более точное понимание повстанчества,

¹ Эта статья основана на моей более обширной статье “Descifrando la ‘ginmnasia revolucionaria’: la genealogía de la lucha armada anarcobolchevique de Juan García Oliver (1917-1936)”, которая была опубликована в журнале: *Historia Social*. 2024. No. 110. P. 51-76. Сокращенная версия была представлена в виде доклада на международной конференции «Россия и и мировое левое движение: взаимоотношения, интеллектуальные поиски, соперничество» в Институте всеобщей истории РАН 20 ноября 2025 г. Я выражаю благодарность Вадиму Дамье за приглашение на конференцию, перевод статьи и помощь в ее публикации.

которое позволяет демистифицировать историю анархо-синдикализма и либертарного движения, с учетом того, что до настоящего времени происхождение вооруженной политики анархо-синдикализма оставалось в значительной мере не изученным или становилось объектом внимания авторов, которым не доставало необходимой аналитической строгости. Показано центральное значение Альфонсо Мигеля Марторелля в идеологическом становлении Хуана Гарсиа Оливера — фигуры, которая более всего идентифицируется с повстанческой линией. Многие историки испанского анархо-синдикализма рассматривают Гарсиа Оливера как очевидно-го творца «революционной гимнастики». В статье доказывается, что эта формула имеет более долгую историю и базируется на взаимодействии и обмене между космополитическими эмигрантскими активистами из различных европейских стран.

Ключевые слова: «Анархо-большевизм», анархо-синдикализм, вооруженная борьба, НКТ, повстанчество.

Abstract: The main objective of this work is to analyze the genealogy of anarcho-syndicalist insurrectionism after the Russian Revolution and the origin of so-called "anarcho-Bolshevism". I propose a more precise understanding of insurrectionism that allows us to demystify the history of anarcho-syndicalism and the libertarian movement, given that until now the origins of anarcho-syndicalist armed politics have been largely unstudied or addressed by authors who lacked sufficient analytical rigour. Here, we see the pivotal importance of Alfonso Miguel Martorell in the ideological formation of Juan García Oliver, the figure most identified with the insurrectionary path. For many Historians of Spanish anarcho-syndicalism, García Oliver is viewed as the creator of "revolutionary gymnastics," will become evident. Here, it will be argued that this formula had a longer history and was grounded in the interactions and exchanges of cosmopolitan émigré militants from a variety of European countries.

Keywords: "Anarcho-Bolshevism", anarcho-syndicalism, armed struggle, CNT, insurrectionism

DOI: 10.32608/2305-8773-2026-49-1-67-98

Дата принятия к публикации: 30.03.2026

Дата получения: 22.11.2025

Ссылка для цитирования / Cite:

Илэм К. Российско-украинский / Франко-каталонский коктейль: испанский «анархо-большевизм» после 1917 года // Латиноамериканский исторический альманах. 2026. № 49. С. 67-98. DOI: 10.32608/2305-8773-2026-49-1-67-98

Ealham, Chris, A Russian-Ukrainian / Franco-Catalan Cocktail: Spanish “Anarcho-bolshevism” after 1917 // Latin American Historical Almanakh, 2026. № 49. P. 67-98. DOI: 10.32608/2305-8773-2026-49-1-67-98

Эта статья посвящена воздействию Российской революции и перипетий революционной борьбы в Испании после 1917 г. на небольшое, но весьма влиятельное течение, которое стало известно под именем «анархо-большевиков». Следует отметить, что эти активисты никогда не использовали данный неологизм для описания самих себя или своей политики, включавшей в себя яростный отказ от всего, что отдавало реформизмом или постепенными изменениями, стратегию отстаивания взятия власти революционной армией и создание диктатуры революционно-синдикалистского рабочего союза — НКТ (Национальной конфедерации труда). Учитывая силу антимилитаристской и антигосударственнической традиции в Испании, эти активисты почти неминуемо стали рассматриваться как еретики многими анархо-синдикалистами и анархистами, которые именовали их термином «анархо-большевик» в качестве ругательства, в особенности в 1930-е годы, когда эти сторонники повстанческого захвата власти стали оказывать значительное влияние внутри НКТ.

Интересно, что уже в более близкое к нам время термин приобрел более позитивное звучание в марксистских кругах:

например, Михаэль Лёви описывал Вальтера Беньямина как «анархо-большевика»². Интригует и то, что беньяминовская концепция «божественного насилия», то есть, вооруженного восстания обездоленных с целью установления новой справедливости, близко соответствует «анархо-большевицкой» вооружённой борьбе в Испании³. Тем не менее, кажется, что термин берет свое начало в Южной Америке, преимущественно в Аргентине и Бразилии, где на него претендовали те анархо-синдикалисты, которые вскоре после октября 1917 г. либо стали защитниками большевистского правительства, либо их революционная стратегия в сильной степени формировалась под влиянием их прочтения тактического арсенала российских революционеров⁴.

Нет никаких свидетельств, что термин «анархо-большевик» использовался в Испании до 1930-х годов, когда его стали применять по отношению ко второй волне анархо-синдикалистов, которые извлекли уроки из 1917 г. и последующего периода⁵. В Испании «первая волна» тех в НКТ, кто скорее безусловно поддерживал Российскую революцию, была известна как «коммунисты-синдикалисты» или «максималисты». Что же касается

² См.: Löwy, 1985. P. 42 – 58. Лёви комментирует «своеобразный анархо-большевизм» Беньямина (P. 50). Робин Блэкберн в некрологе С.Л.Р. Джеймса описывает его как «анархо-большевика»; см.: The Independent. 8.06.1989.

³ Нельзя считать совпадением то, что критика Беньямином узаконенного насилия и защита им повстанческого насилия были впервые опубликованы в Германии в 1921 году, в апогее революционной бури на его родине. См.: Benjamin, 2021. Защиту революционной сердцевины тезиса Беньямина и, по необходимости, неприятие попыток некоторых комментаторов исказить эту концепцию см.: Žižek, 2008. P. 185, 196-205. Жижек отождествляет «божественное насилие» с практикой санкюлотов, диктатурой пролетариата и «красным террором» 1919 года.

⁴ См.: Doeswijk, 2008/2009. P. 261-269; Pittaluga, 2002. P. 69-98; Yost, 2018. P. 247 – 260.

⁵ См.: Evans, 2020. P. 210 – 231.

«второй волны», о которой я пишу здесь, то эти невольные «анархо-большевики» типичным образом рассматривали и определяли себя как революционных анархо-синдикалистов или анархистов. Не подлежит сомнению, что «анархо-большевики» плыли против течения антикоммунизма в НКТ в 1930-х годах. Если непосредственно после 1917 г. в анархо-синдикалистских рядах существовал значительный энтузиазм по отношению к Российской революции — тенденция, которая подчеркивалась временным присоединением НКТ к Коминтерну до 1922 г., то за этим последовал бурный поток антибольшевизма внутри профсоюза и резкое дистанцирование от советского режима. Тем не менее, как мы увидим далее, в начале 1930-х годов, отражая в том числе стойкое воздействие российского опыта и сдвиги в динамике революции и контрреволюции внутри Испании, «анархо-большевики» воодушевлялись вооруженными повстанческими методами как большевиков, так и их эмигрировавших оппонентов из среды остатков российско-украинского махновского анархистского партизанского движения. Испанские «анархо-большевики» разделяли махновское неприятие советского режима, а также отстаивание взятия власти революционной армией и диктатуры НКТ — позиции, которые были далеки от классического анархизма. Тем не менее, твердое подтверждение «анархо-большевиками» революционного этоса и их настойчивость в вопросе о том, что политического решения кризиса капитализма не существует, скрепляли их популярность внутри НКТ.

Эти позиции отождествляются в особенности с Хуаном Гарсиа Оливером — наиболее высокопоставленным и громким из всех «анархо-большевиков»: его влияние и положение в НКТ привело к созданию вооруженных Комитетов защиты (*Comités de defensa*) в 1931 г. Именно эти зародыши вооруженных отрядов сыграли пять лет спустя ключевую роль в разгроме военного путча в Барселоне в июле 1936 г.; они послужили также вдохновляющей идеей для рабочих милиций (насчитывавших на пике примерно 50 тысяч бойцов), которые были главным действующим лицом ранней, наиболее революционной фазы Испанской гражданской войны (1936–1939), обозначившей

окончание революционного цикла в Европе после 1917 года⁶. Действительно, в первые неистовые месяцы революции и гражданской войны Гарсиа Оливер стал наиболее могущественным политиком в Каталонии, благодаря мощной опоре в Комитете антифашистских милиций — *ad hoc* органе, который контролировал вооруженную оборону региона и большую часть его экономики⁷.

В более долгосрочном плане «анархо-большевизм» стоял в ряду длительной традиции испанского повстанческого протеста, восходящей к либеральной революции начала XIX столетия. Для нее были характерны аграрные и городские восстания, антиклерикальное насилие, поджоги фабрик и церквей, создание групп народных ополчений-милиций. Этот богатый поток повстанческих практик в десятилетия после создания Первого Интернационала был поддержан испанским анархистским движением, а в XX в. — анархо-синдикалистской НКТ, крупнейшим подобным профсоюзом в мире. Зародившись в жестокой системе производственных отношений, с дефицитом институционализированных каналов разрешения конфликтов, забастовки предполагали социальное насилие и практику прямых действий.

Используя сочетание истории снизу, социальной истории и биографические методы, я намерен исследовать появление и эволюцию «анархо-большевизма», показав мотивацию, стоявшую за вооруженным насилием, через две наиболее важные фигуры — Гарсиа Оливера и его товарища по оружию Альфонса Мигеля. Оба они, рабочие с детства, стали членами профсоюза прежде, чем вступить в вооруженные «группы действия» НКТ, где, особенно во время стачек, выделялись как уличные

⁶ Комитеты защиты должны были организовываться профсоюзами для защиты интересов рабочего класса, что подчеркивалось в «Солидарidad obrera» за 17, 19 и 25 апреля 1931 г. См. также: Guillamón, 2014.

⁷ Самое лучшее исследование о НКТ в 1930-х гг. — книга Хулиана Касановы; см.: Casanova, 2004. О НКТ в ее бастионе — Барселоне см.: Ealham, 2005.

борцы и стрелки, защищая профсоюзы всеми доступными средствами. К 1930-м годам Гарсия Оливер был видным профсоюзным лидером и оратором, а Мигеля можно рассматривать как теоретика «анархо-большевизма»⁸.

«Анархо-большевизм», как и большая часть анархо-синдикалистского насилия, не рассматривался историками сколько-нибудь исторически строго и / либо интерпретировался ими неверно. Некоторые путают это насилие, которое, по сути своей, было насилием в ходе классово-борьбы, с более ранней «пропагандой действием» одиноких анархистских мстителей 1880-х - 1890-х годов⁹. Однако более позднее насилие, в особенности после 1917 г., обычно совершалось небольшими группами, типичным образом связанными с профсоюзами или рабочей борьбой и, как правило, обращавшими куда меньшее внимание на убийство видных лиц. Но, трудно поверить, несмотря на распространившееся после 1960-х годов внедрение в историческое поле социологических методов, до сих пор остаются историки, которые используют патологические термины для описания «импульсивности» «фанатиков» из НКТ¹⁰. Все это

⁸ В своем обширном автобиографическом тексте Гарсия Оливер редко хвалил окружающих, включая ближайших товарищей. В связи с этим весьма показательно, что Мигель описывается там как друг и товарищ, «абсолютно заслуживающий доверия», «очень культурный и вдумчивый» человек. См.: García Oliver J. El eco de los pasos, Tomo 1: Anarcosindicalismo en la calle // Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis (IISG), Amsterdam. Juan García Oliver Papers, 341-342.

⁹ Примером можно считать: Herrerín, 2020. P.12. Автор упрощенно связывает «анархо-большевиков» с «великими 'мучениками' предыдущего столетия».

¹⁰ В качестве примера см.: Romero, 2020. P. 201, 231, 303. В примечании 99 на странице 246 автор отождествляет максималистские позиции с «фанатиками» (exaltados), что предполагает, что у них не было какого-либо идеологического или политического проекта, и они действовали без каких-либо рациональных мотивов, под влиянием страсти. См. также: Bernecker, 1994. P. 147 – 188 (здесь: P. 167); Martín Nieto, 2012. P. 164.

сосуществует с «черной легендой», окружающей испанский анархизм, что подразумевает, что анархизм был главным источником насилия в Испании. Такой взгляд предполагает, что до рождения либертарного движения Испания была неким мирным оазисом, хотя либеральную революцию сопровождал уже упоминавшийся выше подъем насилия, и три гражданские войны в XIX веке никак не были связаны с анархизмом. Индустриальный масштаб государственного насилия диктатуры Франко с 1930^x годов также делает картину намного более сложной. Некоторые историки стремятся приравнять «анархо-большевизм» к преступности, рассматривая его как «криминальное отклонение». Связанное с «подпольным миром» или как вотчину «хулиганов с идеологическим фасадом... смесь горячих голов и оппортунистов»¹¹.

В других случаях анархо-синдикализм изображается как пример «примитивного бунта», соответствующего «недостаточному развитию индустриального общества в Испании»¹² — утверждение, которое противоречит документально подтвержденной силе профсоюзов НКТ в некоторых из наиболее прогрессивных отраслях экономики Испании, таких как телефония, металлургия и энергетика. Более того, замечательно, что если мы посмотрим на истории жизни «анархо-большевиков», то обнаружим, что они были в высшей степени городскими активистами, работая в промышленности или в сфере услуг наиболее

¹¹ См., например: Fontecha, 1994. P. 176; Pradas Baena, 2003. P. 88–99; Pich, Martínez, Casals X., 2018. P. 135–164; Vázquez, 2015.

¹² Bernecker, 1994. P. 184. Примером этой историографической тенденции можно считать и работу Антонио Элорсы. См.: Elorza, 1973. P. 351–468. Он описывает «революционную утопию, укорененную в сельском менталитете» (P. 450). Подобное утверждение служит отражение давно оспариваемой теории Эрика Хобсбаума об анархизме как форме примитивного бунта, которая впервые появилась в его книге «Примитивные бунтари»; см.: Hobsbawm, 1959. Более близкую к нам по времени переформулировку см.: Elorza, 2013. P. 254–257. Об опровержении тезиса Хобсбаума см.: Kaplan, 1977; Duncan, 1988. P. 323–346.

населенных испанских городов, таких как Сарагоса и Барселона¹³.

Неудивительно, что Гарсиа Оливер, как один из самозванных «королей рабочего пистолета»¹⁴, является фигурой весьма спорной и слишком часто непонятой. Прежде всего, вызывает удивление, что некоторые комментаторы рассматривают его как «чистого» или ортодоксального анархиста¹⁵, хотя одним из его самых ранних боевых псевдонимов в кругах НКТ был «Совет 303»¹⁶. Позднее его открытое отстаивание проекта революционной армии очень сильно расходилось с традиционными либертарными взглядами. Об этом говорили многие из современных ему критиков, которые считали его с его «милитаризмом» «отрицанием анархизма»¹⁷. Для многих историков он был злодеем или убийцей, не имевшим ясного политического проекта, своего рода рэкетиром в чикагском стиле, стремившимся контролировать профсоюзы ради собственных извращенных

¹³ См., например: Ealham, 2011; Pereira, 1994; Vicente, 1993.

¹⁴ Упоминание о том, что они входят в число «королевской семьи» боевиков из рабочего класса, прозвучало в речи Гарсиа Оливера у могилы его погибшего соратника Буэнавентуры Дуррути в первую годовщину его смерти. См.: <https://sociologiacritica.es/2022/08/21/garcia-oliver-cnt-discurso-en-el-aniversario-de-la-muerte-de-durruti-barcelona-noviembre-de-1937/> (Дата обращения: 22.07.2023).

¹⁵ См., например: Navarro, 2011. P. 103–120. Автор называет Гарсию Оливера «пуристом» (P. 110).

¹⁶ См.: Soriano Jiménez, 2002 P. 333 (note 528).

¹⁷ Некоторые из таких критических высказываний см.: Guillamón, 2014. P. 37 – 38. См. также: Miró, 1989. P. 273; Más Lejos. 30 de April 1936; Peirats, 1978. P. 48 – 49. На конгрессе НКТ в Сарагосе в 1936 г. мадридский анархо-синдикалист Сиприано Мера саркастически попросил, «чтобы товарищ Гарсиа Оливер сказал нам, какого цвета волосы и нашивки он хочет» для офицеров его революционной армии. См.: IISG, Amsterdam. José Martínez Guerricabeitia Archive. Box 166. Folder 1895.

целей¹⁸. Так, по мнению Антонио Фонтечи, вооруженная борьба «анархо-большевиков» походила на «криминальный» проект, который был «всегда на грани обычной уголовщины»¹⁹. Подобные суждения нередко сочетались с известным морализмом в попытке провести ложные различия между «хорошей» (умеренной) и «плохой» (повстанческой) фракциями внутри НКТ²⁰. Поскольку задачей историка является дать исторический анализ и попытаться понять, почему то или иное движение или группа индивидов прибегали к политике вооруженной борьбы, такой подход не особенно полезен: критиковать революционера за нарушение закона подобно тому, как если литературный критик обличает поэта-романтика за курение опиума.

Не подлежит сомнению, что Гарсиа Оливеру было комфортно находиться вне закона, организуя восстания или «экспроприации» — действия по добыванию денежных средств, популярные среди целого ряда радикальных групп от большевиков до Красных бригад. Он гордо и открыто описывал себя как од-

¹⁸ Pradas Vaena, 2003. P. 219. См. также: Kern, 1978. P. 115; Díaz, 1977. P. 84. Утверждение о том, что «анархо-большевики» стремились и могли захватить контроль над профсоюзами, основано на ошибочном представлении о том, что в НКТ существовала централизованная бюрократия или внутренний аппарат, который можно было бы атаковать или захватить, тогда как, по крайней мере до начала гражданской войны, это был децентрализованный и федеративный профсоюз. Тем не менее, миф о «завоевании власти» внутри НКТ радикальными анархистами прочно укоренился в академических кругах. В качестве примера см.: Martín Nieto, 2012. P. 164.

¹⁹ Fontecha, 1994. P. 172.

²⁰ В этом заключается подтекст книги Эррерина «Путь к анархии», в которой симпатия автора к более умеренным фракциям в НКТ, которые были вытеснены «анархо-большевиками» в начале 1930-х годов, в сочетании с его вышеупомянутым нисходящим взглядом на рабочую политику, размывают его понимание причин и природы радикализации базы НКТ.

ного из «лучших террористов рабочего класса»²¹. Он никогда не скромничал и не стеснялся признаваться, что был революционером, главной задачей которого было разрушение существующего порядка, и в его глазах это требовало насилия, «божественного насилия» Бенямина. Для Гарсии Оливера насилие было способом достижения политических целей иными средствами, инструментом для осуществления далеко идущих социально-экономических изменений, которые, попутно, укрепили бы коллективную автономию и суверенитет рабочего класса.

Наилучшей отправной точкой для изучения истоков испанского «анархо-большевизма» является 1917 г., когда профсоюзы НКТ вступили в прямое столкновение с государством в ходе нарастающей агитации против роста стоимости жизни, кульминацией которой стала неудачная попытка свергнуть непопулярную и недемократическую монархию. В разгар жаркого лета, охваченного конфликтом, главная газета CNT советовала своим читателям: «Бери оружие, товарищ. Мы всегда должны уметь защитить себя»²². В ходе последовавшей социальной войны многие будущие «анархо-большевики», включая Гарсию Оливера и Мигеля, откликнулись на этот призыв и стали участвовать в вооруженной защите профсоюзов в период, который часто описывают как пистолеризм — первые «свинцовые годы» Испании, время активного вооруженного пикетирования, подавления профсоюзов, локаутов и внесудебных казней рабочих-активистов государственными силами и наемными эскадронами смерти²³. Это была война в самом прямом смысле этого слова — была развернута армия, и она принесла жестокость из колоний. Как и во всех войнах, были жертвы — по оценкам, в Барселоне в период с 1917 по 1923 г. погибло около 350 человек. Пожалуй, наиболее наглядный пример имел место в 1921 г., когда был

²¹ <https://www.youtube.com/watch?v=R4vhY1Ayb94> (accessed 22 July, 2023, at 12:28) and the text: <https://sociologiacritica.es/2022/08/21/garcia-oliver-cnt-discurso-en-el-aniversario-de-la-muerte-de-durruti-barcelona-noviembre-de-1937/> (Дата обращения: 22.07.2023).

²² Solidaridad Obrera. 20 de Junio 1917

²³ См.: Smith, 2007; Zoffmann Rodríguez, 2021. P. 243–271.

подвергнут пыткам и казнен без суда и следствия Рамон Аркс, наставник Гарсиа Оливера и основатель групп действий НКТ. Его изувеченное и расчлененное тело было вывезено из главного полицейского участка Барселоны и выставлено на всеобщее обозрение на улицах города как послание его товарищам. В эти годы сформировалось и укрепилось коллективное воображение «анархо-большевиков»: они видели себя добровольцами в революционной, антикапиталистической войне против государства, и не случайно в своих мемуарах Гарсиа Оливер говорил о том, что находится «в гуще гражданской войны»²⁴.

Члены этих групп действий были преимущественно молодыми людьми. Это подтверждается отчетом французской полиции 1920 г., в котором отмечалось, что барселонские «красногвардейцы» состояли в основном из молодых людей в возрасте от 16 до 20 лет²⁵. Женщины были, но они, как правило, играли второстепенные роли, например, занимались транспортировкой оружия, а не его использованием, хотя к 1930-м годам женщины все же прошли обучение обращению с огнестрельным оружием²⁶. Все члены вооруженных групп принадлежали к рабочему классу: для детей их поколения было обычным делом становиться рабочими с 8 лет, и они быстро вступали в профсоюзы, добровольно или под принуждением; затем, участвуя в пикетах во время забастовок, наиболее охотно или способные из этих молодых рабочих впервые вступали в контакт с вооруженными группами, где, как правило, проходили обучение обра-

²⁴ García Oliver, 1978, P. 55. Согласно наиболее полному исследованию насилия в Барселоне в период с 1918 по 1923 г., в общей сложности погибло 424 человека, 168 из которых принадлежали к НКТ или либертарному движению. Среди погибших также были около 76 рабочих, чья профсоюзная или политическая принадлежность неизвестна. См.: Pradas Baena, 2003. P. 268.

²⁵ Цит. по: Elorza, 2013. P. 58-59.

²⁶ См.: Entrevista a Conxa Pérez, miliciana de la revolució silenciada i tergiversada del 36. 23.03.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://cgtcatalunya.cat/entrevista-a-conxa-perez-miliciana-de-la-revolucio-silenciada-i-tergiversada-del-36/> (Дата обращения: 22.07.2023).

нию с огнестрельным оружием, таким образом, всего за несколько лет завершая интенсивное обучение классовой борьбе.

«Анархо-большевики» принадлежали к поколению активистов, радикализованных 1917 г. и послевоенным революционным кризисом: все они были непоколебимо уверены в необходимости подготовки к грядущей революции, которая, по их мнению, требовала сочетания синдикализма с городской партизанской войной, что составляло основу их повстанческой стратегии. Хотя можно утверждать, что такие важные либертарианские теоретики, как Пётр Кропоткин и Эррико Малатеста, подчеркивали важность восстания как неотъемлемой части любого успешного революционного процесса, их концепции никоим образом не были тесно связаны с революционным синдикалистским движением или его организационными формами, и они, как правило, отдавали приоритет спонтанности. Более того, ни Кропоткин, ни Малатеста никогда не рассматривали военную форму организации или революционную армию в том виде, в каком их предлагали «анархо-большевики»²⁷. Между тем, несмотря на то что в революционном процессе особое место занимают профсоюзы, вооруженно-повстанческие аспекты «анархо-большевицкой» практики и акцент на установлении переходной диктаторской власти отличают ее от традиционного синдикализма, а также от основного анархо-синдикалистского течения. Безусловно, «анархо-большевики» были убеждены, что старый анархизм XIX в., как и синдикализм прямого действия начала XX в., больше не являются адекватным ответом на новые повстанческие вопросы, поставленные революционной повесткой после 1917 года. Короче говоря, как мы увидим, они были убеждены, что для превращения прямого действия в успешный революционный захват власти необходимы новые уровни организованного и скоординированного вооруженного насилия.

Важно отметить, что вооруженные группы, поддерживаемые «анархо-большевиками», были укоренены в социальной среде рабочих кварталов, и их состав отражал разнообразие барсе-

²⁷ См.: Cahm, 1989; Turcato, 2012.

лонского и каталонского рабочего класса, в который входили как коренные каталонцы — мы уже видели несколько случаев боевиков, родившихся в Каталонии, таких как Гарсия Оливер, и в Барселоне (Аркс и Мигель), — так и рабочие-мигранты из других частей испанского государства. Тем не менее, именно конфликты внутри каталонского общества порождали эти вооруженные конфликты. Это важно изучить, поскольку, по крайней мере, с 1920-х и 1930-х гг. каталонский националистический дискурс стремился перенести социальные конфликты во внешнюю среду, распространяя миф о том, что насилие чуждо традициям каталонского общества и что оно импортируется «чуждыми» группами и идеологиями, такими как анархизм или «офранцузенный» анархо-синдикализм. Этот дискурс продолжает оказывать влияние на некоторых историков²⁸.

Одной из самых известных вооруженных групп тех лет была «Лос Солидарис», состоявшая примерно из 20 боевиков, мужчин и женщин, включая Гарсию Оливера и Мигеля. Первоначально это была «аффинити-группа», группа по интересам — основная единица иберийской анархистской организации, — которая характеризовалась и укреплялась глубокими узлами доверия между членами. В контексте пистолеризма некоторые из этих групп трансформировались в военизированные отряды.

²⁸ Прадес Баэна (Pradas Baena, 2003. P. 86) отождествляет насилие со стороны групп активистов до 1923 г. с иммиграцией мурсийцев в Барселону. В противоречии с этим тот же автор (P. 86-88) упоминает три, по её мнению, знаковые группы активистов, две из которых состояли из боевиков с каталонскими именами и фамилиями. Она не приводит примеров членства в группах активистов, подтверждающих её утверждение, что, возможно, неудивительно, учитывая, что миграция мурсийцев в Барселону происходила в больших масштабах после анализируемых ею лет, во время городской экспансии перед выставкой 1929 г. Однако хорошо известно, как в 1930-е гг. «мурсийский террорист» стал частым пугалом в каталонской прессе, что привело к устойчивой идентификации рабочих-мигрантов из этого региона и политическому насилию. См.: Ealham, 2005 P. 67–72, 124–129.

Таким образом, «Лос Солидариос» стали действовать как автономная антикапиталистическая команда и прославились — или печально известны — своими убийствами и впечатляющими вооруженными экспроприациями в банках. Хотя вооруженные борцы за свободу, такие как «Лос Солидариос», всегда составляли меньшинство внутри НКТ, они стали оказывать непропорционально большое влияние в движении благодаря своей ауре самопожертвования, которую к 1930-м годам можно было бы описать как культ движения, вызванный их личной историей героизма в предшествующие годы пистолеризма и диктатуры. Являясь видными профсоюзными деятелями, несколько её членов впоследствии стали важными лидерами ополчения во время гражданской войны. Они были творцами революции или добровольцами, которые ставили действия выше теории — они были полны решимости двигать историю вперед и стать катализатором революционного огня.

Этот огонь был временно потушен в 1923 г. военным переворотом и диктатурой генерала Примо де Риверы (1923 — 1930), которые приостановили революционный цикл после 1917 г. «Анархо-большевики» рассеялись: некоторые отправились в ссылку, другие остались в Испании, либо в тюрьме, либо скрываясь, а некоторые были казнены. Они были глубоко затронуты репрессиями, и в немалой степени государственное насилие обусловило их ответное насилие снизу. Эти годы были периодом междуцарствия, временем размышлений, в течение которого «анархо-большевики» решили подготовиться к тому, что они считали неизбежным возобновлением классовой борьбы в будущем.

Главный вывод, к которому пришли «анархо-большевики», заключался в том, что военный переворот 1923 г. подчеркнул необходимость создания превосходящей вооруженной силы, способной победить государство²⁹. Соответственно, они приня-

²⁹ По мнению Хавьера Ортеги, Гарсиа Оливер «был первым, кто ясно воззвал к необходимости военной функции внутри анархо-синдикализма»; см.: Ortega, 1996. P. 171. На мой взгляд, это не вполне ясно, учитывая, что, похоже, Мигель, находясь в это время в эмиграции во

ли новые формы организации и тактики. На практике небольшие вооруженные группы 1917-1923 гг. должны были быть заменены революционной армией. В традиционно антимилитаристском движении «анархо-большевики», как и следовало ожидать, подверглись резкой критике за включение военной составляющей в свою революционную концепцию³⁰. Тем не менее, в 1920 г. лидер НКТ и будущий коммунист Андреу Нин уже выступал за «испанскую красную армию»³¹, а два года спустя, в 1922 г., на учредительном конгрессе Международной ассоциации трудящихся, анархо-синдикалистского Интернационала, в Берлине прозвучал призыв к созданию «пролетарской армии»³². Однако на практике нет никаких свидетельств того, что эти инициативы всерьез рассматривались в Испании до развития «анархо-большевистского» проекта в начале 1930-х годов, когда после краха военной диктатуры в 1930—1931 годах им удалось внедрить свою вооруженную стратегию в профсоюзы, создав, как уже упоминалось, комитеты обороны или ударные группы. Как заявил Гарсия Оливер на масштабном митинге с участием десятков тысяч рабочих в Барселоне в сентябре 1932 года, эта инициатива была не чем иным, как прелюдией к созданию «армии, нашей армии без лидеров, революционной армии»³³.

Наиболее полное и, учитывая преимущественно практиче-

Франции, пришел к аналогичным выводам даже несколько раньше, чем Гарсия Оливер.

³⁰ Согласно одному историку-активисту, который, по-видимому, забыл о том, что «анархо-большевики» сами были видными фигурами в НКТ, «это было уже слишком для переносимости активистов НКТ, ревностных антиавторитариев и антимилитаристов»; см.: Lorenzo, 1972. P. 48.

³¹ Цит. по: Elorza, 2013. P. 58.

³² См.: Principles, Goals & Statutes of the International Workers Association [Электронный ресурс]. URL: <http://dwardmac.pitzer.edu/dward/anarchy/rebelworker/spunk041.html> (Дата обращения: 2.06.2024).

³³ Solidaridad Obrera. 16 de Septiembre 1932.

скую направленность «анархо-большевиков», единственное теоретическое изложение их революционной перспективы можно найти в двух брошюрах Мигеля, опубликованных в начале 1930-х годов. Первая, «Испания: её следующая революция» («L'Espagne: sa prochaine révolution»), была опубликована в Брюсселе и Париже в 1930 г.³⁴, а в начале 1932 г. вышла его вторая брошюра на испанском языке, «Вся власть профсоюзам»³⁵. Примечательно, что на титульном листе брошюры 1932 г. имелся эпиграф: «Слова солдата» («Palabras de un soldado»). Вместе эти брошюры представляют собой повстанческое руководство для революционеров, основанное на уроках революционной борьбы после 1917 г. в Испании и за её пределами. Вероятнее всего, эти тексты, особенно тот, что на французском языке, читало лишь ограниченное число активистов. Хотя вторая брошюра была опубликована в подходящий момент — всего через год после падения диктатуры в Испании — она получила мало комментариев в широком спектре анархистских и анархо-синдикалистских изданий, несомненно, из-за включения слова «власть» в название, что вызвало недоумение и критические замечания в одном из немногих опубликованных обзоров³⁶.

Однако было бы ошибкой полагать, что идеи Мигеля не получили более широкого распространения в массовых профсоюзах НКТ в 1930-х годах. Действительно, суть его брошюр — необходимость создания революционной армии для установле-

³⁴ Miguel Martorell, 1930. Брошюра, изданная при поддержке известного бельгийского анархиста «Хем Дея» (Марселя Дьё), была основана на речи, произнесенной Мигелем в рабочем центре, связанном с социал-демократической Бельгийской рабочей партией. Дьё был секретарем Международного комитета анархистской защиты, который активно поддерживал испанских эмигрантов.

³⁵ Miguel, 1932.

³⁶ Обозреватель одной из анархо-синдикалистских газет назвал вторую брошюру Мигеля «опасной»; см.: *Cultura Libertaria*. 1 de Abril 1932. Обзор в ежемесячном анархистском журнале счел необходимым напомнить читателям, что «власть вырождается в тиранию»; см.: *Estudios*. 1932. No. 195. Mayo. P. 39.

ния диктатуры НКТ – была изложена на встречах, как публичных, так и частных, его другом и соратником Гарсиа Оливером, который, по стечению обстоятельств, имел репутацию одного из самых искусных ораторов в движении. Идеи Мигеля о повстанческой армии также нашли глубокий отклик в практике CNT в 1930-х годах, что привело к созданию Комитетов обороны. Эти вооруженные отряды отличались от более ранних групп действий: они были полностью интегрированы в организационные структуры профсоюзов и финансировались за счет профсоюзных взносов. Они играли оборонительную роль во время забастовок и были созданы для реагирования на любой возможный военный переворот. Но для «анархо-большевиков» они всегда были инструментом восстания³⁷. Несмотря на все это, испанские историки в значительной степени игнорировали эти брошюры, как и фигуру Мигеля.

Исследование случая Мигеля выявляет некоторые преимущества и ограничения использования биографического подхода к социальным движениям. Будучи активистом вооруженной борьбы, вынужденно участвовавшим в рискованных и незаконных действиях, он провел значительные периоды времени, живя нелегально в Барселоне, Париже и Брюсселе, в результате чего в его биографии имеются значительные пробелы в несколько лет. Для активиста, который также был оратором движения, показательным и то, что сохранилось не более полудюжины фотографий Мигеля. Из них две были сделаны полицией в 1923 г., когда он ожидал суда по обвинению в убийстве³⁸. Остальные фотографии относятся к периоду революции и гражданской войны, когда он, по-видимому, чувствовал себя комфортно, появляясь на камеру.

Можно с уверенностью сказать, что Мигель родился в Барселоне в 1902 г. в районе Раваль, старейшем и самом мятежном рабочем квартале города и колыбели каталонской промышленности. Он был чистым продуктом социальной войны в Барсе-

³⁷ Согласно Касанове, Комитеты обороны вывели НКТ «на дорогу к восстанию»; см.: Casanova, 2004. P. 64–83. См. также: Guillamón, 2014.

³⁸ La Opinión. 11 de Agosto 1923.

лоне. С юных лет он работал плотником и стал активным участником НКТ. Впервые его арестовали в 16 лет за участие в пикетах, несомненно, в одной из первых акций недавно созданного профсоюза плотников (*Sindicato de Madera*), образованного на конгрессе каталонской НКТ в Сантсе в 1918 г. В 18-летнем возрасте он был уже секретарем Федерации анархистских групп Барселоны, после чего вступил в вооруженные группы, где играл весьма активную роль в нелегальных акциях, включая сбор средств путем экспроприаций. В прессе его упоминали как «капитана» одной из вооруженных групп, которая специализировалась на нападениях на банк³⁹. Его обвиняли в том, что на его счету было два убийства: правого вооруженного боевика в 1920 г. и Хуана Эскартина Лартигаса в 1923 г. Лартигас был инспектором полиции, связанным с упомянутыми пытками и убийством Аркса, вдохновителя групп действия НКТ. Таким образом, Мигель являлся, используя его собственное выражение, «солдатом революции»⁴⁰. Он был весьма везучим человеком. Мы знаем, что ему посчастливилось избежать внесудебной расправы, поскольку его имя фигурировало в «Архиве Ласарте», нелегальном собрании досье на левых политиков и профсоюзных активистов, обнаруженном в 1930 г. Эти материалы использовали вооруженные правые боевики и полиция для ликвидации людей по приказу властей⁴¹. Мигель также дважды избежал смертной казни: его оправдали за недостатком доказательств⁴². В ходе второго процесса по обвинению в убийстве в 1923 г. власти обнаружили, что он уклонялся от призыва в армию, и после оправдания он был отправлен в Испанское Марокко для прохождения военной службы в артиллерийском соединении. Почти сразу же дезертировав, он сел на судно до

³⁹ Taibo II, 2015. P. 239, 457, 524; Iñiguez, 2001. P. 404; Ealham, 2005. P. 373–397.

⁴⁰ Miguel, 1932. P. 4.

⁴¹ Foix, 1978 [1931]. P. 43.

⁴² *El Socialista*. 12 de Mayo 1920; 13 de Mayo 1920; *La Opinión*. 26 de Septiembre 1924; 27 de Septiembre 1924; 28 de Septiembre 1924; *La Libertad*. 26 de Noviembre 1924.

Марселя, а затем направился в Париж, бывший тогда столицей анархистской эмиграции. Весь остаток 1920-х годов он находился в эмиграции и возвратился в Испанию только после падения диктатуры и монархии в 1931 г. и провозглашения Второй республики.

В Париже Мигель стал классическим испанским анархо-синдикалистским «интеллектуалом». Это всегда были просвещенные рабочие, в особенности потому, что НКТ, будучи, прежде всего, рабочим союзом, как правило, привлекала весьма ограниченное число интеллигентов из среднего класса. Он оставался рабочим, однако, как квалифицированный столяр-мебельщик, хорошо зарабатывал и мог прожить, работая четыре дня в неделю. Свое свободное время он использовал с умом: Мигель активно участвовал в дискуссионных группах в французских и интернациональных эмигрантских анархистских кругах, включая итальянцев и украинцев. Много часов он посвящал повышению собственного культурного уровня. Один из современников описывал его как человека, всегда носившего под мышкой или в кармане куртки брошюру или книгу⁴³. Он был одаренным лингвистом и в конце концов стал читать лекции и писать на французском языке, что было довольно необычно для испанских изгнанников, которые обычно держались своего ближайшего круга товарищей⁴⁴. Мигель также поддерживал контакт с легендарным украинским партизанским борцом Нестором Махно и ветеранами его Революционной повстанческой армии, которые в разное время сражались одновременно против Красной и Белой армий в ходе российской гражданской войны. Находясь во Франции, махновцы вызвали настоящее цунами в международном анархистском и анархо-синдикалистском движении свои манифестом «Платформа» 1926 года, который ратовал за взятие власти рабочей армией⁴⁵.

⁴³ Peirats, 2009. P. 464–465.

⁴⁴ García Oliver, 1978 P. 220–265.

⁴⁵ Skirda, 2004 [Русскоязычное издание см.: Скирда А. Нестор Махно: Казак свободы (1888—1934). Гражданская война и борьба за вольные Советы в Украине 1917—1921. Париж, 2001, — прим. переводчика].

Хотя Мигеля нельзя считать убежденным приверженцем «Платформы», как мы позднее увидим, его идеи во многом частично совпадают с этим манифестом. Стоит отметить также, что Мигель был близок к ключевым французским сторонникам «Платформы», таким как Пьер Перрен («Пьер Одеон»), который был видной фигурой в Анархистском коммунистическом революционном союзе (Union Anarchiste Communiste Révolutionnaire). Между тем, не случайно то что на самом пике платформистского бума, в 1926 году, Гарсиа Оливер, нелегально проникший во Францию, провел около десяти месяцев в Париже, где Мигель вместе с другими активистами из барселонского профсоюза работников по дереву руководил сетью помощи изгнанникам. Благодаря этой сети Гарсиа Оливер обучился полировочному делу, а затем нашел соответствующую работу, которая хорошо оплачивалась и позволяла ему активно участвовать в дискуссионных группах изгнанников, нередко вместе с Мигелем⁴⁶.

В середине 1920^x годов Мигель был неортодоксальным мыслителем. Он был членом испанского эмигрантского Анархистского революционного комитета (Comité Anarquista Revolucionario) в Париже и одновременно поддерживал контакты с диссидентскими антисталинистскими марксистами. Так, например, его франкоязычная брошюра 1930 года была основана на его речи, произнесенной в «Кружке экономико-политических исследований Маркса — Энгельса» (Cercle d'études économiques-politiques Marx-Engels) в Брюсселе. Мигель страстно отвергал «фетишизм» и «догму» строгих идей и писал о диалектике и «коммунистической эмансипации»⁴⁷. Его уверенность в том, что либеральная демократия не может предложить никаких долгосрочных политических решений и что

⁴⁶ В начале Испанской гражданской войны в июле 1936 г. Перрен был одним из первых французских анархистов, приехавших в Барселону, где он сотрудничал с Гарсиа Оливером в Комитете милиций, организуя доставку в столицу Каталонии материалов и добровольцев из Франции. См.: García Oliver, 1978 P. 220–265.

⁴⁷ Miguel, 1930. P. 3, 20, 74–75.

надвигающееся столкновение будет происходить между «вооруженным пролетарским восстанием» и буржуазными силами диктатуры, полностью соответствовала взглядам Коминтерна «третьего периода»⁴⁸. Его политическая траектория представляет нам еще одну встречу анархо-синдикализма и русской революции. Он стремился обновить анархо-синдикалистскую теорию в свете событий 1917 г. и последовавших за ним контрреволюций. Хотя Мигель, безусловно, не был марксистом, его страстная защита диктатуры и безудержного революционного насилия вызывала ассоциации с духом «Терроризма и коммунизма» Троцкого. Как он писал в своей первой брошюре:

«Урезать революцию — значит убить её. Не должно быть никаких колебаний, даже перед лицом самых смелых перемен — поступать иначе значит ограничивать революцию, кастрировать её... Импульс пролетариата в борьбе никогда не должен быть ограничен... Не может быть никаких ограничений или пауз»⁴⁹.

Название его второй брошюры, «Вся власть профсоюзам», перекликалось с большевистским лозунгом весны 1917 г., и он также разделял российско-украинский анархистский акцент на захвате власти повстанческой военной организацией, даже если, согласно его схеме, Советы должны были быть заменены профсоюзами НКТ⁵⁰.

«Организованное насилие»⁵¹ — которое Мигель прославлял как «вооруженную организацию пролетариата» — играло центральную роль в революции. Это военное формирование должно было создаваться рабочими союзами, возглавляться наиболее преданными революционерами⁵², «техниками революции»⁵³ и отражать «твердую волю меньшинства»⁵⁴. Это не задумыва-

⁴⁸ Ibid. P. 14.

⁴⁹ Ibid. P. 62.

⁵⁰ Miguel, 1932. P. 30.

⁵¹ Miguel, 1930. P. 73.

⁵² Miguel, 1932. P. 26.

⁵³ Ibid. P. 14.

⁵⁴ Miguel, 1930. P. 18.

лось как ленинистский авангард, поскольку эти «специалисты», как и сам Мигель, должны были выйти из автономного пролетарского движения, а именно из НКТ⁵⁵. В его брошюре на французском языке эти революционные первопроходцы были описаны как «авангард»⁵⁶, термин, который со времен Средневековья используется для описания солдат на передовой линии армии в боевом строю, тех войск, которые находятся на виду у противника и первыми вступают в бой⁵⁷. Эта борьба должна была завершиться «диктатурой НКТ», «революционной диктатурой», которая неминуемо была ересью в глазах большинства анархистов и анархо-синдикалистов. Тем не менее, как настаивал Мигель, «нет революции без насилия» или «фактической диктатуры»⁵⁸ абсолютистской пролетарской власти⁵⁹. И однако, несмотря на всю свою неортодоксальность, революционный синтез Мигеля в конечном счете испытывал значительное влияние анархо-синдикалистских традиций прямого действия, а возможно, и коренился в них. Он провозглашал абсолютное неприятие политических партий: «у революции нет партии»⁶⁰, а «синдикализм достаточен сам по себе»⁶¹, утверждал он. В равной степени, когда дело касалось революционного акта, несмотря на весь акцент на вооруженной организации и технических аспектах восстания, он все же оставлял место для героических сорелевских тем, таких как «страсть» и «творческая смелость»⁶².

Заключая, следует отметить, что «анархо-большевистская» вооруженная политика зародилась в Испании в период «свинцовых лет» после 1917 года. Хотя причины революционного

⁵⁵ Ibid. P. 67.

⁵⁶ Ibid. P. 65.

⁵⁷ Десятилетия спустя «Красные бригады» также определяли себя как «пролетарский вооруженный авангард». См.: Re, 2020. P. 275–292.

⁵⁸ Miguel, 1932. P. 22.

⁵⁹ Miguel, 1930. P. 73.

⁶⁰ Miguel, 1932. P. 29.

⁶¹ Ibid. P. 71.

⁶² Miguel, 1930. P. 65.

насилия были, прежде всего, внутренними, перипетии российских событий 1917 г. и последующей гражданской войны захватили коллективное воображение как повстанческих, так и контрреволюционных сил в Испании, которые добавили еще одну главу в историю революционно-контрреволюционного цикла тех лет борьбы и баррикад. «Анархо-большевизм» воплотил в себе повстанческий дух 1917 г., вселив глубокий страх в испанских правых, которые мобилизовались для уничтожения всего левого, реформистского и революционного, как это было в фашистской Италии, нацистской Германии и при диктатуре Франко. В каком-то смысле, безжалостность и бойня франкизма подтвердили аргумент «анархо-большевиков» о том, что врагов революции необходимо безжалостно подавлять, иначе силы перемен будут уничтожены ради поддержания старого порядка.

Приняв определенные марксистские характерные особенности, политика «анархо-большевиков» также демонстрирует частичное сближение между либертарным и авторитарным коммунизмом, смягчение глубоких разногласий, существовавших со времен Первого Интернационала⁶³. Она демонстрирует, как некоторые анархо-синдикалисты стремились преодолеть то, что они воспринимали как ограниченность традиционного анархизма в вопросе власти, который, по их мнению, не предлагал последовательных решений новых революционных вопросов, вставших после 1917 г. Эволюция «анархо-большевиков», кроме того, подчеркивает, что увлечение анархо-синдикалистами российским опытом сохранялось и после 1922 г. — по мнению многих историков, крайнего срока, когда НКТ официально порвала с Коминтерном⁶⁴. Несмотря на рост антисоветских настроений в кругах НКТ, остается фактом, что некоторые уроки 1917 г., как позитивные, так и негативные, продолжали находить мощный отголосок среди влиятельной части движения вплоть до 1930-х годов. Действительно, на конгрессе НКТ в 1931 году в Мадриде — первом с 1922 года — Гарсия Оливер отверг подход большинства членов профсоюза, остававшихся

⁶³ Zoffmann Rodríguez, 2024.

⁶⁴ Zoffmann Rodríguez, 2018. P. 226–246.

верными позициям более умеренных анархо-синдикалистов Сальвадора Сеги и Анхеля Пестаньи, со следующей формулировкой:

«Испания считала, что у нее есть и Ленин, и Троцкий. Мы считали, что Сеги — великолепный теоретик, а товарищ Пестанья символизировал революционные действия. Они не справились с обстоятельствами»⁶⁵.

Не вдаваясь в анализ обоснованности исторической аналогии, важно отметить, что русский опыт в 1931 г. занимал ведущее место в «анархо-большевистском» мировоззрении. Действительно, начиная с 1917 г. можно наблюдать борьбу между «жесткой» фракцией, к которой принадлежали Мигель, Гарсия Оливер и будущие «анархо-большевики», закаленные социальной войной этих лет пистолеризма, и другим, «более мягким» сектором, связанным с более традиционной анархо-синдикалистской практикой активистов, которые регулярно использовали антибольшевизм не только против коммунистов, но и для дискредитации радикалов в рядах НКТ. Точно так же, большинство анархо-синдикалистских активистов отвергли российский вариант, что видно из импровизированных дебатов в июле 1936 г. о возможности «идти до конца» и взять власть в Каталонии — предложение, отвергнутое как равносильное установлению «анархистской диктатуры»⁶⁶.

Несмотря на смену моделей революции и контрреволюции после 1920-х годов, «анархо-большевизм» продолжал подпитываться энтузиазмом рабочего восстания, охватившего Европу после 1917 г., когда, как объяснил Энцо Траверсо, революционный идеал был переосмыслен «в военном смысле... создав военную парадигму революции»⁶⁷. Это были годы революционных армий, начиная с основания Красной армии (январь 1918 г.) из «лучших элементов рабочего класса», ранее объединен-

⁶⁵ CNT. Los congresos del anarcosindicalismo: Madrid, 1931. Memoria del III congreso extraordinario de la CNT. Barcelona, 1985. P. 74.

⁶⁶ Ealham, 2011. P. 121–142.

⁶⁷ Traverso, 2021. P. 402–403.

ных в «Красную гвардию» с 1917 г.⁶⁸. Точно так же, русские анархистские «Чёрные гвардии» превратились в Черную армию, или, более официально, Революционную повстанческую армию Украины во главе с Махно, который, как мы видели, позднее находился в эмиграции в Париже вместе с Мигелем.

«Анархо-большевистская» вооруженная борьба требует переосмысления влияния в Испании платформизма, вдохновленного махновским движением. Это влияние часто игнорируется или преуменьшается историками анархизма и анархо-синдикализма⁶⁹. Как мы видели, в период своего изгнания в Париже, Гарсия Оливер и Мигель находились в контакте с российскими, украинскими и французскими товарищами, которые либо были создателями манифеста «Платформы», либо находились под влиянием этого течения. В новом революционном синтезе Мигеля нашли отражение некоторые тактические приемы платформенной политики, которые также нашли отклик в повстанческой политике, привнесенной «анархо-большевиками» в НКТ в 1930-х годах. Действительно, в апреле 1931 года, в том же месяце, когда Гарсия Оливер добился согласия НКТ на создание вооруженных комитетов защиты — шаг, который он и Мигель рассматривали как ступеньку к формированию революционной армии по украинскому образцу, — Махно опубликовал свое «Открытое письмо испанским анархистам», в котором он советовал создавать вооруженные группы защиты и группы действий «в каждом городе и в каждом се-

⁶⁸ Согласно Франческо Бенвенути, это были «наиболее сознательные рабочие и крестьяне»; см.: Benvenuti, 1988. P. 18.

⁶⁹ Так, по словам Элорсы, платформизм «имел ограниченный отклик» в Испании (Elorza, 2013. P. 126), а Лоренсо утверждал, что «он вообще не имел никакого влияния» (Lorenzo, 1972. P. 48). Более современный автор Хулиан Вадильо пришел к заключению, что «он никогда не имел никакого влияния» (Vadillo, 2019. P. 179). На мой взгляд, платформизм в Испании остается областью, где требуются дальнейшие исследования и анализ.

ле»⁷⁰. Гарсия Оливер неоднократно отстаивал эту точку зрения в годы, предшествовавшие испанской революции и гражданской войне.

1917 год изменил ментальную карту различных европейских социальных слоев, породив совершенно новое представление о революции и контрреволюции, что явно выразилось в работах Мигеля и в практике такого уличного бойца, как Гарсия Оливер. Мигель и Гарсия Оливер были убеждены в необходимости переосмысления своей теории и практики в свете европейского опыта после 1917 г., этапа, который был для них основополагающим историческим ориентиром. Мигель писал так, как будто жил в период 1917-1921 гг., а не 1930-1931 гг., более контрреволюционный период. Несмотря на изменения, произошедшие после Первой мировой войны, Мигель настаивал на важности «тесного сотрудничества между рабочими, крестьянами и солдатами»⁷¹, что явно отсылало к революционному опыту России (1917), Венгрии (1918—1920) и Германии (1919—1920). Затем российская вера в оружие пересекла границы, и повстанческие течения стали очень популярны по всей Европе, от Бильбао и Турина до Берлина и Будапешта. В эти годы жестокой социальной войны вооруженное повстанческое движение приобрело международный характер. И это было сочетание европейских революционных влияний – коктейль из российских, украинских, французских, каталонских или испанских элементов – которые сошлись в рождении иберийского «анархо-большевизма».

Библиография / Referencies

Benjamin W. Toward the Critique of Violence: A Critical Edition / Eds. P. Fenves and J. Ng. Stanford: Stanford University Press, 2021.

⁷⁰ Письмо опубликовано в книге: Makhno, 1996. P. 89 [Опубликовано по-русски: Махно Н. И. Письмо к испанским анархистам // Пробуждение. 1932. № 23/27. Июнь – октябрь, — прим. перевод.].

⁷¹ Miguel, 1930. P. 78.

- Bensaïd D., Löwy M.* Auguste Blanqui, heretical communist // *Radical Philosophy*. 2014. No. 185. Januar – February. P. 26–35.
- Benvenuti F.* The Bolsheviks and the Red Army 1918-1922. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Bernecker W. L.* ‘Acción directa’ y violencia en el anarquismo español // *Ayer*. 1994. No. 13. P. 147–188.
- Brademas J.* Anarcosindicalismo y revolución en España (1930-1937). Barcelona: Ariel, 1974.
- Cahn C.* Kropotkin and the Rise of Revolutionary Anarchism, 1872-1886. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Casanova J.* Anarchism, the Republic and Civil War in Spain: 1931-1939. London: Routledge, 2004.
- Confederación Nacional del Trabajo. Los congresos del anarcosindicalismo: Madrid, 1931. Memoria del III congreso extraordinario de la CNT. Barcelona: Projecció Editorial, 1985.
- Cronin J.* Labor Insurgency and Class Formation: Comparative Perspectives on the Crisis of 1917-1920 in Europe // *Social Science History*. 1980. Vol. 4. No. 1. P. 125–152.
- De Lera Á.M.* Ángel Pestaña. Retrato de un anarquista. Barcelona: Argos Vergara, 1978.
- Díaz C.* La actualidad del anarquismo. Paris: Ruedo ibérico, 1977.
- Doeswijk A.* Bandera Roja, diario anarco-bolchevique // *Políticas de la Memoria*. 2008/2009. No. 8-9. P. 261–269.
- Duncan M.G.* Spanish Anarchism Refracted: Theme and Image in the Millenarian and Revisionist Literature // *Journal of Contemporary History*. Vol. 23. No. 2. P. 323–346.
- Ealham C.* Class, culture and conflict in Barcelona, 1898-1937. London: Routledge, 2005.
- Ealham C.* An Imagined Geography: Ideology, Urban Space, and Protest in the Creation of Barcelona’s ‘Chinatown’, c.1835-1936 // *International Review of Social History*. 2005. Vol. 50. No. 3. P. 373–397.
- Ealham C.* De la unidad antifascista a la desunión libertaria // *Mélanges de la Casa de Velázquez*. 2011. Vol. 41. No. 1. P. 121–142.
- Ealham C.* Descifrando la ‘gimnasia revolucionaria’: la genealogía

- de la lucha armada anarcobolchevique de Juan García Oliver (1917-1936) // *Historia Social*. 2024. No. 110. P. 51–76.
- Elorza A.* La utopía anarquista bajo la segunda república española. Madrid: Ayuso, 1973.
- Elorza A.* Anarquismo y utopía: Bakunin y la revolución social en España (1868-1936). Madrid: Cinca, 2013.
- Evans D.* Revolution and the State: Anarchism in the Spanish Civil War, 1936-1939. Abingdon: Routledge, 2018.
- Evans D.* ‘Our extremism’: The CNT from Anarcho-Bolshevism to Bolshevization, 1931-1937 // *Ruptura: The impact of nationalism and extremism on daily life in the Spanish civil war (1936-1939)* / Ed. by C. Hernández Burgos. Eastbourne: Sussex Academic Press, 2020. P. 210–231.
- Foix P.* Los archivos del terrorismo blanco. El fichero Lasarte, 1910-1930. Barcelona: Las ediciones de La Piqueta, 1978 [1931].
- Fontecha A.* Anarcosindicalismo y violencia: la ‘gimnasia revolucionaria’ para el pueblo // *Historia contemporánea*. 1994. No. 11. P. 153–182.
- García Oliver J.* El eco de los pasos. Manuscript. 4 volumes // Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis (IISG), Amsterdam. Juan García Oliver Papers.
- García Oliver J.* El eco de los pasos. Barcelona: Ruedo ibérico, 1978
- Guillamón A.* Ready for Revolution. The CNT Defence Committees in Barcelona, 1933-1938. Oakland: AK Press, 2014.
- Gutiérrez Molina J.L.* Valeriano Orobón Fernández: anarcosindicalismo y revolución en Europa. Valladolid: CGT, 2002.
- Herrerín Á.* The Road to Anarchy: The CNT under the Spanish Second Republic (1931-1936). Eastbourne: Sussex Academic Press, 2020.
- Hobsbawm E.* Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movements in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Manchester: Manchester University Press, 1959.
- Iñiguez M.* Esbozo de una enciclopedia histórica del anarquismo español. Madrid: Fundación Anselmo Lorenzo, 2001.
- Kaplan T.* The Anarchists of Andalusia, 1868-1903. Princeton: Princeton University Press, 1977.
- Kern R.* Red Years/Black Years: A Political History of Spanish An-

- archism, 1911-1937. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1978.
- Lorenzo C.M.* Los anarquistas y el poder (1868-1969). Paris: Ruedo Ibérico, 1972.
- Löwy M.* Revolution Against 'Progress': Walter Benjamin's Romantic Anarchism // *New Left Review*. 1985. No. 152. P. 42–58.
- Lukács G.* Lenin: A Study on the Unity of his Thought. London: New Left Books, 1970.
- Makhno N.* The Struggle Against the State and Other Essays / Ed. by A. Skirda. San Francisco, AK Press, 1996.
- Miguel Martorell A.* L'Espagne, sa prochaine révolution. Paris; Brussels: Editions "Realistes", 1930.
- Miguel Martorell A.* Todo el poder a los sindicatos. Barcelona: Editorial Realidades Revolucionarias, 1932.
- Montserrat F.* Plataformismo o reformismo libertaria // *La Revista Blanca*. 1 de Diciembre 1928. No. 108. P. 364–366.
- Morales A., Ortega J.* (coords.). El lenguaje de los hechos. Ocho ensayos en torno a Buenaventura Durruti. Madrid: La Catarata, 1996.
- Navarro R.* El Frente Único, las Alianzas Obreras y el Frente Popular // *Mélanges de la Casa de Velázquez*. 2011. Vol. 41. No. 1. P. 103–120.
- Martín Nieto I.* De la clase obrera a la acción colectiva. La historiografía sobre el movimiento libertario durante la Segunda República y la Guerra Civil // *Historia Social*. 2012. No. 73. P. 145 – 171.
- Miró F.* Vida intensa y revolucionaria. Mexico City: Mexicanos Unidos, 1989.
- Paniagua X.* La sociedad libertaria. Agrarismo e industrialización en el anarquismo español, 1930- 1939. Barcelona: Crítica, 1982.
- Peirats J.* Figuras del movimiento libertario español. Barcelona: Picazo: 1978.
- Peirats J.* De mi paso por la vida. Barcelona: Flor del Viento Ediciones, 2009.
- Pereira D.* A CNT na Galicia, 1922-1936. Santiago de Compostela: Edicions Laiovento, 1994.
- Pich J., Martínez D., Casals X.* Els gàngsters de la FAI. Justo Bueno Pérez // *Afers: fulls de recerca i pensament*. 2018. Vol. 33. No.

89. P. 135–164.
- Pittaluga R.* De profetas a demonios: Recepciones anarquistas de la Revolución Rusa (Argentina 1917-1924) // *Sociohistórica*. 2002. No. 11-12. P. 69– 98.
- Pradas Baena M.A.* L'anarquisme i les lluites socials a Barcelona, 1918-1923: la repressió obrera i la violència. Barcelona: L'Abadia de Montserrat, 2003.
- Purkiss R.* Democracy, Trade Unions and Political Violence in Spain. The Valencian Anarchist Movement, 1918-1936. Eastbourne: Sussex Academic Press, 2011.
- Re M.* The Red Brigades' Communiqués: An Analysis of the Terrorist Group's Propaganda // *Terrorism and Political Violence*. 2020. Vol. 32. No. 2. P. 275– 292.
- “*Reeve C*” (*Valadas J.*). El socialismo salvaje. Autoorganización y democracia directa desde 1789 hasta nuestros días. Barcelona: Virus, 2020.
- Romero F.* ¿Quién mató a Eduardo Dato? Comedia política y tragedia social en España, 1892-1921. Granada: Comares, 2020.
- Skirda A.* Nestor Makhno – Anarchy's Cossack: The Struggle for Free Soviets in the Ukraine 1917-1921. Oakland: AK Press, 2004.
- Smith Á.* Anarchism, Revolution and Reaction. Catalan Labour and the Crisis of the Spanish State, 1898-1923. New York: Berghahn, 2007.
- Soriano Jiménez I.C.* Hermoso Plaja Saló y Carmen Paredes Sans: el anarquismo silencioso, 1889-1982. (Unpublished doctoral thesis) University of Salamanca, 2002.
- Taibo II P.I.* Que sean fuego las estrellas. Barcelona (1917-1923). Barcelona: Crítica, 2015.
- Traverso E.* Fire and Blood: The European Civil War, 1914-1945. London: Verso, 2016.
- Traverso E.* Revolution: An Intellectual History. London: Verso, 2021.
- Turcato D.* Making Sense of Anarchism: Errico Malatesta's Experiments with Revolution, 1889-1900. London: Palgrave-Macmillan, 2012.
- Vadillo J.* Por el pan, la tierra y la libertad: El anarquismo en la Revolución rusa. Guadalajara: Volapük, 2017.

- Vadillo J.* Historia de la CNT: utopia, pragmatismo y revolución. Madrid: Catarata, 2019.
- Vázquez F.* Anarquistes i baixos fons. Poder i criminalitat a Catalunya (1931-1944). Barcelona: L'Avenç, 2015.
- Vicente L.* Sindicalismo y conflictividad social: Zaragoza, 1916-1923. Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 1993.
- Yost F.* 'Glory to the Russian maximalists!' Reactions to the Russian Revolution in Argentina and Brazil, 1917-22 // *Revolutionary Russia*. 2018. Vol. 31. No. 2. P. 247–260.
- Žižek S.* Violence: Six Sideways Reflections. London: Picador, 2008.
- Zoffmann Rodríguez A.* Anarcho-syndicalism and the Russian Revolution: Towards a political explanation of a fleeting romance, 1917-22 // *Revolutionary Russia*. 2018. Vol. 31. No. 2. P. 226–246.
- Zoffmann Rodríguez A.* The Spanish Anarchists and the Russian Revolution, 1917–24: Anguish and Enthusiasm. London: Routledge, 2024.
- Zoffmann Rodríguez A., Marinello Bonnefoy J. C.* A Proletarian Turf War: The Rise and Fall of Barcelona's Sindicatos Libres, 1919-1923 // *International Review of Social History*. 2021. Vol. 66. No. 2. P. 243–271.